

Лабиринт отражений

*Наша работа во тьме —
Мы делаем, что умеем,
Мы отдаем, что имеем,
Наша работа — во тьме.
Сомнения стали страстью,
А страсть стала судьбой.
Все остальное — искусство
В безумии быть собой.*

Гимн хакеров,
русский вариант

Часть первая

ДАЙВЕР

00

Хочется закрыть глаза. Это нормально. Цветной калейдоскоп, блески, искрящийся звездный вихрь — красиво, но я знаю, что стоит за этой красотой.

Глубина. Ее называют «дип», но мне кажется, что по-русски слово звучит правильнее. Заменяет красивый ярлычок предупреждением. *Глубина!* Здесь водятся акулы и спруты. Здесь тихо — и давит, давит, давит бесконечное пространство, которого на самом деле нет.

В общем-то она добрая, *глубина.* По-своему, конечно. Она принимает любого. Чтобы нырнуть, нужно не много сил. Чтобы достичь дна и вернуться — куда больше. В первую очередь надо помнить — *глубина* мертва без нас. Надо и верить в нее, и не верить. Иначе настанет день, когда не удастся вынырнуть.

01

Первые движения — самые трудные. Комната небольшая, стол стоит посередине, жгуты проводов от компьютера тянутся к УПС — установке бесперебойного питания, в углу, и дальше — к розетке. Тонкий провод уходит к телефонной линии. У стены, под роскошным ковром, — тахта, у открытой двери на балкон — маленький холодильник. Самое необходимое. Пять минут назад я проверил, что лежит в холодильнике, так что голод в ближайшие сутки мне не грозит.

Я поворачиваю голову налево, направо — на мгновение в глазах темнеет, но это лишь секунда. Ничего. Бывает.

— Все в порядке, Леня?

Динамики отрегулированы на максимум, я морщусь, отвечаю:

— Да. Тише звук.

— Звук — тише, — соглашается «Виндоус-Хоум», — тише, тише...

— Хватит, Вика, — останавливаю я. Хорошая программа. Послушная, понятливая и доброжелательная.

Не без самомнения, как вся продукция «Майкрософта», но с этим приходится мириться.

— Удачи, — говорит программа. — Когда тебя ждать?

Я смотрю на экран — там, в ореоле оранжевых искр, плывет женское лицо. Молодое, симпатичное, но, в общем, ничего особенного. Устал я от красоты.

— Не знаю.

— Я бы хотела иметь десять минут на самоконтроль.

— Хорошо. Но не более. Через десять минут мне понадобятся все ресурсы.

Лицо на экране морщится — программа вычленяет ключевые слова.

— Только десять минут, — покорно говорит «Виндоус-Хоум». — Но я вновь обращаю твое внимание, что уровень поставленных задач не всегда соответствует объему моей оперативной памяти. Желательно расширение до...

— Утихни. — Я встаю. «Утихни» — это безусловный приказ, после него программа спорить не смеет. Шаг влево, шаг вправо... Ха-ха. Нет, это не попытка к бегству, это скорее добровольное заточение. Я дохожу до холодильника, открываю дверцу, достаю банку «спрайта», открываю. Напиток холодит горло. Это почти ритуал — *глубина* всегда сушит слизистую. С банкой в руке я выхожу на балкон, в теплый летний вечер.

В Диптауне почти всегда вечер. Улицы залиты светом реклам, тихо рокочут несущиеся машины. И идут, идут сплошным потоком люди. Двадцать пять миллионов постоянного населения — самый крупный мегаполис мира. С высоты одиннадцатого этажа лиц не разглядеть. Я допиваю «спрайт», кидаю банку вниз и возвращаюсь в комнату.

— Неэтично... — бормочет компьютер. Не реагируя, я выхожу в прихожую, обуваюсь, открываю дверь. Подъезд пустой и светлый, очень-очень чистый. Пока я вожусь с замком, в полуоткры-

тую дверь пытается влететь крошечный жучок. Ага. Ламеры развлекаются. Я с иронией наблюдаю за настырным насекомым — из квартиры дует ровный поток воздуха, вынося его обратно. Наконец дверь закрыта, жучок в последнем усилии бьется в нее, короткая вспышка — и насекомое падает на пол.

— Подать жалобу владельцу дома? — спрашивает «Виндоус-Хоум». Теперь голос идет из серебряных заколок на лацканах моей рубашки.

— Подавай, — соглашаюсь я. Все забываю объяснить программе, что владельцем дома являюсь я сам.

Лифт ждет меня на этаже. Обычно я спускаюсь по лестнице... заглядываю по пути в чужие квартиры. Там ведь все равно никто не живет... но сейчас я спешу. Лифт опускается — очень быстро. Выхожу на тротуар, оглядываюсь — может быть, увижу любителя насекомых? Но никого подозрительного нет, все спешат по делам. Жучок явно залетный, серийной работы. Их травят на улицах, бьют в квартирах, но они не переводятся.

Я и сам когда-то развлекался подобной ерундой. Очень-очень редко жучкам удавалось принести интересную информацию.

— Ленья, на имя компании «Поляна» поступила жалоба от квартиросъемщика номер один.

— Игнорируй, — бурчу я, наблюдая за идущим по тротуару мужчиной. Да, это нечто! Гибрид Арнольда Шварценеггера в молодые годы и Клинта Иствуда в пожилые. Очень, очень смешно. Мужчина ловит мой насмешливый взгляд и ускоряет шаги.

Я поднимаю руку, и через мгновение у тротуара притормаживает желтый лимузин.

— Ленья, твоя жалоба компании «Поляна» проигнорирована!

— Ладно. Ничего.

Это может продолжаться бесконечно долго, а мне сейчас не до игр... Я сажусь в машину, водитель — улыбчивый парень с безупречной прической и в накрахмаленной рубашке, поворачивается ко мне. Предпочитаю таких таксистов, вышколенных и немногословных.

— Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас!

Имени он не называет — программа остановила такси анонимно.

— Как будете оплачивать счет?

— Вот так, — говорю я, доставая из кармана револьвер. Сильно бью парня в висок. Он пытается защититься, но не

успевает. Я смотрю на его побледневшее лицо, встряхиваю за шиворот, приказываю:

— Квартал «Аль-Кабар».

— Данного адреса не существует, — говорит водитель. Он «оглушен» и покорен.

— «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь. — Простенький код открывает доступ к служебным адресам «Дип-проводника». Я мог бы и не бить водителя, но тогда в файлах компании осталась бы информация о поездке.

— Заказ принят. — Водитель улыбается, он вновь весел и услужлив. Машина трогается. Я смотрю в окно — мелькают жилые кварталы, набитые небоскребами со всякой мелкой шушерой Диптауна, огромные, роскошные офисы компаний. Вон длинные серые корпуса IBM, пышные дворцы «Майкрософта», ажурные башни «Америка Он Лайн», более скромные офисы прочих компьютерных законодателей.

Конечно, полно и офисов фирм по продаже мебели, жратвы, недвижимости, туристических агентств, транспортных компаний, клиник... мало-мальски жизнеспособная компания стремится открыть в Диптауне свое представительство.

«Дип-проводник» процветает именно на этом изобилии. Путешествовать по городу пешком — долгое развлечение. Мы мчимся по автострадам, тормозим на перекрестках, сворачиваем в туннели и пересекаем развязки. Я жду. Можно было бы приказать водителю ехать кратчайшим путем — но тогда он вынужден был бы связаться с диспетчерской. И я оставил бы след...

Город обрывается внезапно — словно стену дворцов и небоскребов отсекают исполинским ножом. Кольцевая дорога, за ней — лес. Густой, дремучий... отделяющий от суеты тех, кто не хочет себя афишировать.

— Притормози, — говорю я, когда мы минуем манговые заросли и проезжаем мимо вполне среднерусской чашобы. — У следующей тропинки.

— До квартала «Аль-Кабар» еще далеко, — говорит водитель.

— Останови.

Машина останавливается. Я открываю дверь, отхожу от лимузина на шаг. Водитель покорно ждет. И я тоже — просвета на дороге. Зачем нам свидетели? Вот, наконец-то...

Я целюсь в машину, стреляю. Револьвер бьет негромко, отдача слабая, но машина мгновенно вспыхивает. Водитель сидит, глядя перед собой. Несколько секунд — и у «Дип-проводника» становится одним такси меньше.

Хорошо. Пусть все выглядит как развлечение пьяной шпаны. Я иду в лес.

— Неэтично... — бормочет из булавок «Виндоус-Хоум».

— Ты оптимизировалась?

— Да.

— Все, теперь мне нужна помощь. Ищи тайник, код «Иван».

— Светящееся дерево, — сообщает программа.

Я озираюсь. Ага. Вот он, огромный дуб, мерцающий колдовским синим светом. Мерцающий лишь для меня. Я подхожу к нему, засовываю руку в дупло, вынимаю большой тяжелый сверток. Передеваюсь в полотняную белую рубаху и штаны, подпоясываюсь узорчатым поясом. Короткий меч в ножнах, несколько вещичек в карманах. Тайник я создал пару дней назад, незаконно использовав один из компьютеров транспортного управления закавказской железной дороги. Там слабые программисты, они долго не заметят этого маленького вторжения.

— Где ручей? — спрашиваю я.

— Справа.

Я склоняюсь над бегущей водой, смотрю в отражение. Несколько раз бью по нему ладонью, потом начинаю водить пальцем, стирая свой облик. Вместо меня из дрожащего зеркала прорисовывается русоволосый статный крепыш. Лицо добродушно и незатейливо до отвращения.

— Спасибо, — говорю я программе, выпрямляюсь. Стою, люблюсь лесом. Черт возьми, как давно я не выбирался из городского смрада...

— Не меня ли ты ждешь, добрый молодец? — спрашивают из-за спины. Оборачиваюсь — из густых кустов выходит огромный, по грудь мне ростом, волк.

— Может, и тебя, — говорю я, люблюсь волком. Черт возьми, великолепен! Он действительно серый, и не просто серый — именно чернистого с проседью волчьего цвета. Кое-где шерсть свалаялась, к передней правой лапе пристал репейник.

— А не съест ли мне тебя, добрый молодец? — спрашивает волк и скалится. Клыки желтые, как зубы курильщика, один обломлен под корень. Матерый, опытный волчище.

— Что ты попусту похваляешься, на богатырский меч нарываешься? — импровизирую я. — Лучше службу сослужи!

Волк улыбается, садится.

— А чем расплатишься, богатырь?

— По три тысячи зеленых, — сообщаю я. Волк удовлетворенно кивает, трет лапой морду. Спрашивает:

— «Аль-Кабар»?

— Угадал.

— Миссия?

— Кража.

— А кто заказчик?

Я пожимаю плечами. Ответ столь же риторический, как и вопрос. Заказчики огласки не любят.

— Попробуем, — решает волк. — Ты готов?

— Вполне.

— Садись.

Я забираюсь на спину волка, и тот неторопливой рысцой бежит по лесу. Я инстинктивно уворачиваюсь от веток, волк тонко хихикает. Ладно, пусть веселится.

Через пару минут мы выскакиваем из леса. Под ногами — желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди — пропасть метров в сто шириной, за ней — восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах. Довольно красиво. Невдалеке через пропасть переброшен... хм... ну назовем это мостом. Тонкая, как струна, нить. Один ее конец на стене, опоясывающей город, другой держит в руке безобразная каменная статуя метров десяти вышиной. Морда у статуи отвратительная.

— Еще та будет работка, — замечает волк. — Ты не продешил, Иван-Царевич?

— А бог его знает... — изучая статую, говорю я. — О мосте меня предупредили...

— Что воровать-то?

— Наливные яблочки...

— А, вот к чему такой маскарад... — Волк снова хихикает. — А что в яблочках?

— Не знаю. — Я спрыгиваю со спины волка, стою, держа руку на шерсти. — Слушай, я на секунду, лимонада попью...

— Валяй, — озираясь, говорит волк.

Я прикрываю глаза.

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Я дернулся, встал. Перед глазами — крошечные экранчики, на них — пустыня, пропасть, статуя, город вдаль. Очень неплохо нарисовано. У «Аль-Кабара» хорошие дизайнеры.

Виртуальный шлем тяжелый, это самая «навороченная» модель из серийно выпускаемых «Сони». С прекрасными цветными экранами, великолепными динамиками и встроенным микрофоном, с кондиционером, обдувающим лицо воздухом нужной температуры. Сейчас это жар пустыни... Я снял шлем, положил на стол, рядом с клавиатурой компьютера. На мониторе появилось знакомое женское лицо, из динамиков донеслось:

— Леня, ты прерываешь погружение?

— Нет, жди.

В реальном мире моя комнатка такая же, как и в виртуальном пространстве. Только за окном не летний вечер Диптауна — дождливая питерская осень. Моросит мелкий дождик, сигналист вдали машина. Я открыл холодильник, взял банку «спрайта». Попью по-настоящему... Не удержавшись, выглянул с балкона. Пустой банки, которую в виртуальном пространстве я выкинул на улицу, там, конечно же, нет. Что ж, устраним различия.

Волосы были потные, я вытер их валяющейся на стуле рубашкой, сел за компьютер, проверил кабель, идущий от виртуального костюма на дип-плату компьютера. Костюм работал, слегка притормаживая движения, словно я шагал по песку. Левую ногу подволакивало чуть сильнее — опять сбоят программа. Ладно, потом откалибруем.

Надевать шлем — все равно что совать голову в духовку. Вот гаденыши из «Аль-Кабара», окружили себя максимально неприятными условиями...

Я вновь смотрю на виртуальный мир, но пока он условен, как дешевый мультик. Зернистое изображение, красивый, но грубоватый рисунок. Большого компьютер вытянуть не может.

Да и не надо. Что такое *глубина* без человека?

Я моргнул, расслабился, пытаюсь войти в виртуальность самостоятельно. Конечно, ничего не получается. Я не в пустыне, я дома за клавиатурой... Пришлось протянуть руку и набрать команду.

deer

А теперь — «ввод».

Поверх пустыни вспыхивает многоцветье дип-программы. Секунду я еще вижу экранчики, мягкую подкладку шлема, потом сознание начинает плыть. Мозг пытается сопротивляться, но куда там! Дип-программа действует на всех.

Вот только попадаются — с частотой один на триста тысяч — люди, не утрачивающие до конца связи с реальностью. Способные самостоятельно выплывать из *глубины*. Дайверы.

Я, например.

Волк ухмыляется мне.

— Промочил горлышко, богатырь?

— Да.

Оглядываю себя — все ли в порядке? Мое тело в виртуальности — нехитрый рисунок, транслируемый компьютером на ту или иную точку Диптауна и его окрестностей. А вот меч на поясе и вещички в сумке — не просто рисунок. Это «ярлычки», пусковые фрагменты программ, которые сейчас станут необходимы.

— Действуем так, — решаю я. — Через мост я иду сам. Потом выношу трофеи, и сматываемся.

— Тебе решать, — соглашается волк.

Я иду по песку, горячий ветер не унимается, даже кажется, что песчинки покалывают глаза. Это уже не заслуга шлема. Это мой мозг воспринимает то, что должен был бы воспринимать в настоящей пустыне.

Статуя все ближе и все реальнее. Рогатая голова с оскаленной пастью, бугристые от каменных мускулов лапы. Ифрит, наверное. Слабоват я в арабской мифологии. В левой руке ифрита сжата тонкая нить.

Мост из конского волоса.

Начинаю карабкаться по ноге чудовища. Как нелепо сейчас выглядит мое тело в пустой квартире — подергивающееся, подтягивающееся за воздух... не отвлекаться...

Последний метр — самый трудный. Опираюсь о шипастое каменное колено, пытаюсь уцепиться за ладонь — не получается. Наверняка у законных посетителей «Аль-Кабара» есть какой-то иной путь...

Мне же приходится вначале забираться на гранитный фаллос чудовища. Слышу, как волк хихикает. Блин. Ему смешно...

Наконец я на ладони. Пробую нить ногой она слегка покачивается. Как струна. Внизу, далеко-далеко, скалы и голубая змейка реки.

— Смелее, герой! — кричит волк.

Не могут рядовые виртуальщики ходить по этому мосту. Что-то не так...

Ладонь, на которой я стою, вдруг начинает дрожать и медленно сжимается. Мост-нить дрожит, готовый порваться. А надо мной нависает оскаленная морда ожившего монстра.

— Кто ты? — ревет он так, что закладывает уши. По-русски, между прочим!

— Гость! — кричу я, пытаюсь вырвать ноги из хватки гранитных пальцев.

Монстр хохочет:

— Гость не приходит с запретным!

Указательный палец правой руки несется ко мне, словно намереваясь расплющить. Невольно жмурюсь. Но монстр лишь тычет пальцем в меч.

Да, это не простенькая беззащитная программа-водитель «Дип-проводника». Это отличная сторожевая система с псевдоинтеллектом на порядок лучше «Виндоус-Хоум». Как же он определил мой родной язык?

— Гость не приходит незванным!

— Меня позвали!

— Кто?

Придется идти ва-банк...

— Ты не вправе слышать его имя!

— Я вправе делать все, — сообщает монстр.

И пальцы сжимаются.

Теперь должен произойти выход в реальность. Как следствие «смертельного» воздействия. Иначе — мозг может вообразить самый настоящий болевой шок, со всеми последствиями.

Только самоубийца отключит предохранители дип-программы.

Или дайвер.

Мое изуродованное тело валяется на ладони монстра. Череп расплющен, один глаз смотрит в пыльное жаркое небо, другой — в каменный ноготь. Ифрит громко, удовлетворенно хохочет, потом кричит:

— Ты, пришедший в облике волка, запомни его судьбу!

Ага, вот как он определил язык... слышал наши разговоры. Однако ему не хватило «ума» понять, с кем имеет дело...